

Группа Ло Си вместе с вестями о Фэн Юэ вернулась в Небесную столицу. Лянь Лань настоял на личной встрече с Хань Цзинцином, но, поскольку дело не терпело огласки, аудиенцию организовали в строжайшем секрете. Хань Цзинцин, сменив церемониальное облачение на простое платье, тайно покинул дворец и прибыл в поместье Ло под охраной лишь нескольких верных адептов Неба Лазурного Облака.

Когда Священный Государь переступил порог, Мо Ханьчи как раз возжигал благовония перед ларцом из красного дерева.

— Это?.. — спросил Хань Цзинцин, едва войдя.

— Голова Первого старшего брата, Чэн Ланьюэ, — Мо Ханьчи аккуратно установил палочки в курильницу. — Люди из Столицы демонов воистину омерзительны. Они превратили захваченных учеников праведных орденов в демонических воинов и живых мертвецов.

Ло Си сделал шаг вперёд, прерывая тягостную паузу:

— Священный Государь, у нас есть новости о Девушке Небесного Мандата. Но подробности лучше изложит принц Лянь.

Хань Цзинцин бросил взгляд за ширму, откуда плавной, исполненной грации походкой вышел Лянь Лань — прекрасный, как само совершенство, принц Столицы оборотней.

— Приветствую монарха Небесной столицы, — Лянь Лань почтительно склонил голову.

— Прощу вас, принц, расскажите всё без утайки, — произнёс Хань Цзинцин.

Лянь Лань опустил взор, и его длинные, подобные крыльям бабочки ресницы отбросили на лицо лёгкие тени. Хань Цзинцин сел во главе стола, принц расположился слева от него. По знаку Ло Си слуги немедленно подали гостям изысканный ароматный чай.

Однако сердце Хань Цзинцина было так полно тревоги за Фэн Юэ, что ему было не до дегустации. Редчайший сорт чая казался ему безвкусной водой. Лянь Лань не притронулся к чашке, зная, что напиток ещё слишком горяч, но Священный Государь, не разбирая вкуса и жара, готов был выпить его залпом. Лишь один из адептов, стоявший рядом, негромко предостерёг:

— Владыка, чай только что заварили, будьте осторожны.

— Пустяки, — Хань Цзинцину было безразлично, обжётся он или нет.

— Молодой господин Цитра сейчас в Столице оборотней, — Лянь Лань выждал мгновение,

наблюдая за реакцией государя. Убедившись, что тот слушает предельно внимательно, он продолжил: — В своём стремлении спасти матушку мой отец-император впал в отчаяние. Он решил поддерживать её жизнь с помощью крови Фэн Юэ. Все мои уговоры оказались тщетны, отец одержим этой идеей. Если так пойдёт и дальше, он погубит и себя, и её. Поэтому я прошу вашего вмешательства. Если разум вернётся к императору, у матушки ещё останется шанс на спасение.

Истина казалась простой, и Император оборотней наверняка осознавал её, но любовь лишила его рассудка. В делах тех, кто нам дорог, легко потерять голову.

Хань Цзинцин прекрасно понимал это чувство. Он так боялся, что чрезмерная забота навредит Фэн Юэ, что тянул с решением несколько лет. Но если не ухватиться за эту возможность сейчас и с Фэн Юэ что-то случится... При этой мысли капли холодного пота выступили на лбу государя. Он рисковал потерять не только любимого человека, но и трон Священного Государя.

Хань Цзинцин знал: бесчисленное множество людей в Трёх Столицах только и ждут его падения. Потерять власть для него означало верную смерть.

— Действовать нужно скрытно, — отчеканил Хань Цзинцин. — Если мы собираемся спасти Фэн Юэ, об этом должно знать как можно меньше людей. Нельзя допустить утечки. Дворец Императора оборотней защищён барьерами, проникнуть туда непросто. К тому же во всё это замешана Столица демонов — среди окружения твоего отца наверняка есть те, кто практикует тёмные пути. Кто ещё знает об этом, кроме присутствующих здесь?

— Лэн Ушуан.

— Преемник лорда города Ушуан... Что ж, он выдающийся талант среди молодого поколения заклинателей. Вместе с ним людей должно хватить, но нам всё равно понадобится мастер, способный исцелять яды оборотней. Боюсь, придётся просить помощи у ордена Снежного Лотоса Тяньшаня.

Договорив, Хань Цзинцин обвёл взглядом комнату и одним глотком осушил чашку.

— Выступим сразу после Праздника голодных духов.

Мо Ханьчи знал об ордене Снежного Лотоса лишь по столкновению с тем задирой Цзян Сюном, так что общее впечатление об этой школе у него осталось скверное.

Жители Небесной столицы умели наслаждаться жизнью, особенно в дни ежегодного Праздника голодных духов. Днём каждая семья приносила жертвы предкам, а с наступлением сумерек толпы высыпали на улицы, чтобы зажигать речные фонари и любоваться фейерверками. Сначала по течению пускали четыре ритуальные ладьи с подношениями, за которыми следовали тысячи огоньков в память об усопших. Однако со временем эта традиция, благодаря чарующей красоте огней на воде, превратилась в способ для влюблённых

признаться друг другу в чувствах.

С самого возвращения Мо Ханьчи был сам не свой. Исчезли прежний задор и шутки; он лишь спал, ел или часами заворожённо смотрел на ларчик с головой Чэн Ланьюэ.

— Был человек — и нет, — то и дело повторял он одну и ту же фразу.

Закончив со всеми распоряжениями, Ло Си написал подробное донесение в Куньлунь. Положив кисть, он сложил письмо и уже хотел взмахнуть рукой, чтобы превратить дым из курильницы в призрачную птицу-вестника, но помедлил. Подумав, он развеял птицу и вышел из комнаты.

— Ханьчи, — Ло Си толкнул дверь и увидел друга, лежащего на кровати в пространии. Он мягко поднял его:

В глазах Мо Ханьчи наконец блеснула искорка жизни, и он кивнул. Ло Си, чувствуя облегчение, сделал пасс рукой: на его плечо опустился чёрный орёл. Привязав письмо к когтям птицы, Ло Си прошептал несколько слов. Орёл подлетел к ларцу, подхватил его и взмыл в небо.

— Он сможет благополучно долететь до Куньлуня? — с сомнением спросил Мо Ханьчи.

— Это не простая птица. Она соткана из моей истинной сущности. Если что-то случится, я сразу почувствую, — Ло Си проводил взглядом исчезающую вдали чёрную точку.

— Я совсем перестал понимать, каков твой уровень самосовершенствования, Ло Си, — вяло произнёс Мо Ханьчи.

— Хочешь увидеть? — Ло Си едва заметно улыбнулся.

— Хочу. Чтобы стать старейшиной, нужно достичь как минимум начальной стадии Зарождающейся души, — Мо Ханьчи с любопытством уставился на него своими янтарными глазами.

Ло Си сел напротив и протянул руки, глядя на друга с такой теплотой, что тот на мгновение замер. Каким только Мо Ханьчи не видел Ло Си, но такая нежность в его улыбке была редкостью. В этом взгляде крылось нечто большее, что-то, что Ханьчи, казалось, понимал, но боялся осознать до конца. Это было похоже на старое вино: сначала обжигает горло, но послевкусие остаётся сладким и глубоким; и чем дольше оно хранится, тем сильнее пьянит, не давая желания протрезветь.

Мо Ханьчи накрыл ладони Ло Си своими и закрыл глаза, погружаясь в технику внутреннего созерцания. Перед его мысленным взором раскинулась бескрайняя темнота, подобная ночному небу, в глубине которой мерцали золотистые искры. Сияние становилось всё ярче, пока не

слилось в ослепительную сферу. Золотой шар начал вращаться, медленно дробясь и впитывая окружающую энергию. Внезапно Мо Ханьчи ощутил мощный толчок: комната словно наполнилась всполохами зари, поглотившими тьму. Сфера закрутилась с бешеной скоростью, становясь всё меньше и светлее. Ханьчи, движимый инстинктом, придвинулся ближе, желая рассмотреть сокровенное.

В самом центре сияния он увидел крохотную, безупречно очерченную младенческую ручку. Свет отступил, обнажая полупрозрачное молочно-белое тело младенца — Зарождающуюся душу. Кроха безмятежно спала, а в районе её сердца пульсировало чистое золото.

Вдруг Мо Ханьчи почувствовал, как от него самого к младенцу потянулась тонкая струйка золотистого света. Крошечное существо медленно открыло глаза, сверкнувшие небесным пламенем. Мо Ханьчи невольно улыбнулся и открыл глаза — он сидел лицом к лицу с Ло Си. В глубине чёрных зрачков друга на миг промелькнул золотой отблеск.

— Поздняя стадия Зарождающейся души... — выдохнул Мо Ханьчи с восхищением. — Ты уже почти небожитель. Ты превзошёл даже самого Почтенного Тай-и.

— Ханьчи, ты по-прежнему не можешь удерживать истинную ци? — спросил Ло Си. Он только что почувствовал, как поток чистейшей, уже очищенной энергии влился в его душу.

— Могу, сейчас уже гораздо лучше. Просто у тебя слишком сильный врождённый талант, я не могу с тобой тягаться. Ты умудрился забрать у меня энергию, которую я даже не успел поглотить, — Ханьчи шутливо надулся и сполз с кровати, чувствуя, как проснулся аппетит. Глубокое созерцание всегда отнимало много сил.

Лянь Лань подошёл к ним совершенно бесшумно. Мо Ханьчи, увлечённый беседой, заметил его лишь в последний момент. Резко обернувшись, он едва не сбил принца с ног, и тот уткнулся ему прямо в грудь. Комнату наполнил тонкий аромат лотоса. Мо Ханьчи не удержался и крепко обнял его, поддразнивая:

— Глядите-ка, красавица сама прыгает мне в объятия!

— Ты! — Лянь Лань вспыхнул и поспешно отстранился. Ло Си помрачнел, что не укрылось от проницательного взгляда принца.

— Сегодня Праздник голодных духов, — поспешил сменить тему Лянь Лань. — Вечером на рыночных улицах будет очень весело.

— Идите вдвоём, — отрезал Ло Си, холодно взмахнув рукавом. — У меня ещё остались дела.

Прожив три сотни лет, Лянь Лань давно видел Ло Си насквозь. Хоть тот и был куда мудрее сверстников, в делах сердечных он оставался лишь неопытным юнцом. Для оборотня любовь

между мужчинами была делом привычным — его отец и наложник были тому живым примером, хотя на людях Лянь Лань всё же называл того «матушкой». Но, видать, праведные ордена всё ещё относились к подобному с большой предвзятостью.

<http://bllate.org/book/17550/1718774>